

Марков А. Оседланное время. Искусство не отвлекаться на случайные образы /

Александр Марков // Учительская газета, №22 от 30 мая 2023.

В конце мая в Московском доме национальностей прошел творческий вечер, посвященный 75-летию известного бурятского поэта Намжила Нимбуева (1948-1971). В Бурятии Нимбуев – почитаемый классик: проходят ежегодные турниры его памяти, исполняются песни на его стихи. Современная критика, как и полвека назад, описывает неожиданные явления в литературе с помощью готовых слов, вроде «беззаконная комета» или «прорвавшаяся плотина». Все эти образы емкие, но Намжил Нимбуев своим присутствием, в частности невероятной работоспособностью, показывал их недостаточность. Его можно сравнить, конечно, с Артюром Рембо и другими юными гениями, но и это сравнение будет очень приблизительным.

Перечитывая стихи Намжила НИМБУЕВА, мы оказываемся среди разных искусств
Фото из личного архива Любви НИМБУЕВОЙ

Скорее он был поэтом в порядке наследования, сыном поэта Шираба Нимбуева, продолжателем династии, как библейские пророки или скандинавские скальды. В соавторстве с отцом он написал пьесу, много переводил с монгольского на русский, создавая сложный образ современной монгольской поэзии, написал по собственным подсчетам 11 тысяч стихов и прозы на огромный том. Учась в Литературном институте, он преуспел в переводах рассказов и повестей с бурятского на русский, встраивая острые социальные высказывания своих соотечественников в общую дискуссию о задачах советской литературы.

Большую часть стихов он создал по-русски, как и по-русски спорил о судьбах свободного стиха. Для многих его современников верлибр был просто знаком освобождения: следует обойтись без рифмы и метра, чтобы приблизиться к

прозе с ее прямотоушением. Нимбуев в одной из своих статей доказывал другое: верлибр – более сложная организация стиха, где ритмы соседних строк дополняются ритмами, вдруг перекликающимися в разных частях стихотворения. Где другие видели беспорядок или побочное явление в истории поэзии, там Нимбуев усмотрел возможность отойти от несколько устаревшего порядка и открыть совсем новый, более сложный и изощренный, но порядок.

Основной прием Нимбуева состоит в разоблачении метафоры и облачении жизни в ту же метафору. Вот стихотворение «Фотография»:

*– Дети, – сказал фотограф, –
смотрите сюда, не мигая,
из этой дырочки круглой
вылетит птичка сейчас.
Дети старательно ждали,
но птичка не вылетала.
Годы прошли и войны,
фотограф-обманщик умер,
а дети глядят со стенки:
где же все-таки птичка?*

Существует метафора фотографии как застывшего мгновения или замершей, замерзшей жизни. Но Нимбуев разоблачает метафору: это дети сидят смирно перед аппаратом, а не сама фотография обладает какими-то чудодейственными свойствами. Память о прошлом – это память тела, память неестественной позы, память об испытаниях, а не фотография сама по себе как предмет коллекционирования. Но тут же в этом стихотворении жизнь облачается в ту самую метафору: любознательность человека требует застыть в удивлении. Сама жизнь оказывается удивительнее, чем мы о ней думаем, сама останавливается, изумленная собой. Возможно, что поэзию Нимбуева лучше описывать примерно так, как описывают фильмы Тарковского, говоря о застывших кадрах и щемящей музыке времени, но это описание будет неточным.

А неточное оно потому, что для Нимбуева будущее важнее любых других времен. В его стихах правила не ностальгия, а, наоборот, волевое подчинение чувства времени будущему, даже если грамматически все происходит в настоящем и прошедшем времени:

*Я сижу у таежной криницы
с живую водой.
Я по родине вдруг загрузтил.
Я приехал из города
на запыленном автобусе.*

Здесь вроде бы нет будущего времени, но только описание происходящего и произошедшего. А на самом деле любая строка говорит: «Я сижу перед ручьем и увижу, какой образ меня он принесет в будущем»; «Я в будущем еще не раз навещу родину»; «Я ехал долго из города, поэтому не буду уезжать слишком скоро». Детали пейзажа, такие как запыленный автобус, не трогательные мелочи, но способ измерить время действия в прошлом, долго он ехал или коротко, и оказаться честным перед настоящим и будущим.

Такая честность требует бороться даже против самого оптимистического ритмического однообразия. Казалось бы, простая зарисовка – бурятские студенты на московской дискотеке в клубе:

*Нервный ритмический Запад
в танцах молодых бурят.
На устах мелодии-эмигранты,
но, заглушая торжество ритма,
завертелась смуглолицая пластинка,
поющая на гортанном,
до боли родном языке.*

Начинается все с ритмических синкоп (смещение акцента с сильного времени такта на слабое. Достигается различными способами: применением пауз, увеличением длительности ноты, находящейся на слабой доле, и т. д. – Прим. ред.), но слово «эмигранты» напоминает, что за любым ритмом стоят свои, часто горестные, судьбы. И вот на смену трагическим судьбам должны прийти другие, объединенные «смуглолицей пластинкой», судьбы узнавания родного человека в своем соотечественнике, в конце концов связавшие всю историю Евразии из глубины веков в единый узел. В те времена полагалось говорить о дружбе народов и исторических связях, но Нимбуеву и проще, и прямее, и честнее было дать поэтический образ, а не рассыпать по строкам случайные признаки бурятской или русской жизни вперемешку с лозунгами. Этот поэт мог брать любые сюжеты, самые незамысловатые, но в духе лозунгов ему было говорить нечего.

В последний год своей короткой жизни Нимбуев ездил в литературные командировки по Бурятии, и сердце не выдержало в одном из переездов. Остались повести, рассказы, стихи, переводы. Но также память родных, иллюстрации к его произведениям, он вдохновил целую школу бурятских художников, наконец музыка, которую и сейчас сочиняют на его стихи, наглядно иллюстрирующая его теорию сложного ритма. Перечитывая его стихи, мы вдруг оказываемся среди разных искусств. Главное из них – искусство не отвлекаться на случайные образы в смелом движении к сложному, но вдохновляющему смыслу.